

Под влиянием идей строгого монотеизма, запрещающих изображение Бога, людей и животных, в арабо-мусульманской культуре по особым эстетическим канонам развивается изобразительное искусство, исключая иконопись, портретную живопись и скульптуру. В исламе большое значение придается искусству декламации Корана, издавна развиваются искусство каллиграфии, книжной миниатюры, а также орнаментальной росписи (арабески), являющейся традиционным элементом мусульманской культовой архитектуры. Древнейшие традиции имеет изящная арабская и персидская поэзия, представленная разнообразными жанрами (касыда, газель, рубаи, месневи и др.).

Коран предписывает мусульманам нерасположенность к иноверцам, среди которых разграничиваются *многобожники* (язычники) и приверженцы монотеистических верований — *люди Книги*. Религиозный первоисточник ислама закрепляет настороженное отношение к народам, исповедующим многобожие, и ограничивает взаимодействие мусульман с ними, в частности, в условиях заключения брачных отношений: «Не женитесь на многобожницах, пока они не уверуют <...> И не выдавайте замуж за многобожников, пока они не уверуют» [Сура 2: 220].

Несмотря на относительно терпимое и доверительное отношение к христианам (как *самым близким по любви к уверовавшим*, Сура 5: 85), чем к иудеям и исповедующим многобожие, Коран призывает мусульман со следующими наставлениями: «Не берите иудеев и христиан друзьями: они — друзья один другому» [Сура 5: 56].

Не берите друзьями тех, которые вашу религию принимают как насмешку и забаву, из тех, кому до вас даровано писание, и неверных [Сура 5: 62].

По степени восприятия других культурных традиций и взаимодействия с иноверцами арабо-мусульманский мир продолжает оставаться чрезмерно категоричным. Не определяя четких смысловых границ понятия *священная война*, Коран придает ей статус бескомпромиссного оппонирования иноверцам и призывает противостоять тем, «кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истины» [Сура 9: 29]. Религиозное измерение арабо-мусульманской культуры обеспечивает закрытость ее морфологических оснований и определяет строгие институциональные нормы коммуникативной культуры в контексте межкультурного диалога, которые, по сути, исключают альтернативный характер взаимодействия в отличие от менее императивных констант взаимоотношений в других религиях.

А.И.Смолик, доктор культурологии, профессор

УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

МЕЧЕТИ КАК АРТЕФАКТ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ

Центром религиозной и общественной жизни мусульман во все времена была мечеть (от арабск. *аль-масджид*). Первые мечети в Белорусско-Литовском государстве возникли еще во времена Витовта. Привилегии на их строительство давали великий князь или король. На территории Виленской епархии на это требовалось еще и разрешение католического епископа. Мусульмане могли строить только скромные, небольшие деревянные мечети. «Строительство роскошных мечетей, — писал автор «Risale...» в 1558 г., — связано с большими трудностями, потому что без разрешения правительства нельзя строить новые мечети, да и кто бы из наших сумел это сделать. Небольшая горстка мусульман не может построить даже бедный молитвенный дом... Когда же получено разрешение на строительство новой мечети, то строить ее можно только в таких частях города, где живут сторонники нашей веры. Но теперь мы имеем

в этом деле больше свободы...» За мусульман тогда заступались турецкие султаны. Например, султан Мурад III в обращении к польскому королю Жигимонту III в 1591 г. просил последнего содействовать в деле свободного строительства мечетей в татарских поселениях в Литве¹⁸³.

Автор «Risale...» дает описание первых мечетей на землях Великого княжества Литовского. «Здесь есть у нас очень бедные и скромные мечети, построенные из дерева, похожие на мечети, что находятся в селах Румелии без минаретов (башен), и имаретов (убежищ), но зато мечети есть в каждой большой местности... В некоторых здешних мечетях есть огражденное от мужской части отдельное помещение для женщин, куда мужчины не имеют права входить, чтобы не нарушить закон, который запрещает молиться вместе с женщинами»¹⁸⁴.

В татарской мечети в Троках был известный летописец Мартин Кромер, но его удивил только тюрбан, оставленный муллой. «В их (т.е. литовских татар) храме в Троках, — пишет М. Кромер в своем описании Польши, напечатанном в 1578 г., — много лет тому назад видели мы только тюрбан (pileum turbinatum), который носит этот народ, оставленный на видном месте»¹⁸⁵. Более внимательным наблюдателем оказался неизвестный автор письма к немецкому гуманисту Давиду Хитраэвсу, написанного в 1581 г. Посетив вместе с Яном Гамбратом из Штралзунда, купцом и гражданином виленским, мечеть в татарском поселении около Вильни «на берегах реки Вилии», в Лукишках, он так рассказывает про нее в своем письме: «В ней нет ни одного изображения какого-нибудь бога или черта. Здесь голые стены, только пол застелен разноцветными коврами. На богослужение все собираются по пятницам, думаю затем, чтобы подчеркнуть отличие своей веры от веры евреев и христиан. В храм запрещено входить, не сняв обувь. Они совсем не признают колоколов».

Первое время белорусские мечети не имели минаретов, с которых на мусульманском Востоке муэдины призывают верующих на молитву. Поэтому азан (призыв к молитве) провозглашали при входе в мечеть. «Кое-где, — пишет автор «Risale...», — есть странные обычаи, которые заключаются в том, что перед намазом (молитвой) один из наших граждан обходит улицу, громко созывая в мечеть на молитву. Я нигде не видел похожего обычая и при попытке узнать, практикуют ли где-нибудь в глубине Азии такой способ призыва в мусульманские храмы, меня единодушно заверили, что это противоречит действиям самого Пророка и не может происходить в стране правоверных. Я думаю, что так делают в этих краях для того, чтобы никто не опоздал, что может часто и легко произойти в мусульманских странах, тем более что голос муэдина не может долететь на большом расстоянии в тех городах, где на каждой улице есть хотя бы одна мечеть». В комментариях к трактату А. Мухлинский высказывает мнение о том, что этот обычай, теперь неизвестен, возможно, был заимствован литовскими татарами у евреев. Но кажется, что анонимного автора трактата не подвела интуиция, когда он в «глубине Азии» хотел найти истоки этого обычая¹⁸⁶.

Деревянные мечети белорусских татар плотники строили по местному примеру. Старая мечеть в Лукишках, известная сегодня нам по литографии 1841 г., представляла собой типичный образец местного деревянного зодчества: большое квадратное здание со сводчатыми галереями и с колоннами по фронтому, покрытое крутой конусообразной крышей со стройным маленьким минаретом в центре. Такая же

¹⁸³ Канапацкі І.Б., Смолік А.І. Гісторыя і культура беларускіх татар: вучэб. дапам. / І.Б. Канапацкі, А.І. Смолік. — Мінск: Бел. ун-т культуры, 2000. — С.159.

¹⁸⁴ Канапацкі І.Б., Смолік А.І. Гісторыя і культура беларускіх татар: вучэб. дапам. / І.Б. Канапацкі, А.І. Смолік. — Мінск: Бел. ун-т культуры, 2000. — С. 160.

¹⁸⁵ Канапацкі І.Б., Смолік А.І. Гісторыя і культура беларускіх татар: вучэб. дапам. / І.Б. Канапацкі, А.І. Смолік. — Мінск: Бел. ун-т культуры, 2000. — С. 160.

¹⁸⁶ Kryczynski S. Tatarzy Litewscy: Proba monografii historyczno-etnograficznej / S. Kryczynski. — Warszawa, 1938. — С. 81.

квадратная мечеть с конусообразной крышей и небольшой башней посередине, но без галереи есть в Сорока Татарах. В том же стиле построена мечеть в Багониках. Большая мечеть в Муравщизне, построенная в форме квадрата с крыльцом, которое опирается на высокие столбы, не отличалась бы от этого типа застроек, если бы не довольно высокий минарет с маленькой галереей, которая сглаживает линию массивной крыши. Некоторые мечети (например, в Ляховичах, Клецке, Некрашунцах) внешним видом напоминали сельские костелы. Другие, построенные мастерами-евреями, были близкими по своей архитектуре к еврейским синагогам, например, мечеть в Осмолове. Мечеть в Слониме с тремя вежами в виде луковиц является, как отмечает М. Байрошевский, калькой православной церкви. Это несомненно, результат давления со стороны российских властей, которые требовали, чтобы мечеть не отличалась от церкви.

Самой интересной мечетью является мечеть в Довбучках (памятник XVIII ст.). Это небольшое прямоугольное здание, покрытое византийским гонтовым куполом, окружено с двух сторон галереей, которая поддерживалась маленькими витыми колоннами. Мечеть имела минорет в виде квадратной башни. По мнению А. Вороновича, на стиль мечетей (как, между прочим, и османских) оказала большое влияние византийская культура.

«В общем, — как отмечает С. Кричинский, — мечети татар совсем незаметные, скромные и бедные. Действительно, есть только две большие мечети, что обусловлено большим количеством прихожан: в Новогрудке и Муравщизне. Некоторые же (например, мечети в Мире) — это сооружение почти миниатюрных пропорций. Но на каждой мечети, даже самой бедной, есть небольшая башня — минарет, увенчанный месяцем. Во многих случаях такой минарет имеет только декоративно-символическое значение, но есть и такие мечети, где он служит религиозным целям, это зн. с такого минарета муэдзин поет азан, призывая мусульман к молитве. На мечети в Муравщизне есть минарет в оригинальном восточном стиле с железной галереей. Стены мечетей снаружи покрашены, например, в зеленый, голубой и другие цвета»¹⁸⁷.

У татар Беларуси, Литвы и Польши, как и стран Востока, мечети крупных приходов назывались «джама», «джамия». Известно, что такими являются мечети в Ловчицах, Муравщизне, Довбучках. Как и в иных странах мусульманского мира, в таких мечетях ежедневно происходили богослужения. В документах времен российского господства встречается определение больших мечетей в губерниях Северо-западного края как «соборных мечетей».

Особенностью мечетей Беларуси, Литвы и Польши было разделение внутреннего пространства в них на две части: мужскую и женскую. В странах мусульманского Востока такое разделение отсутствует. По традиции там женщины преимущественно молятся дома. Ссылаясь на версию автора трактата 1558 г. о татарах Беларуси, С. Кричинский писал, что, возможно, эта особенность восходит к древним традициям жилища кипчаков, где дом татарский в степях уфимских разделен на две части: мужскую и женскую. Помещение для женщин находилось обычно с левой стороны от входа и было значительно меньших размеров, чем помещение для мужчин (в Ивьевской мечети женская половина размещена с правой стороны). В стене, которая разделяла мужскую и женскую половины, имелось зарешеченное продолговатое окно. Каждая половина имела свой вход.

Богослужение проводилось в мужской части. Здесь в стене, обращенной к Мекке, имелась срубная ниша — михраб. Лицом к ней во время богослужения сидел мулла. Справа от михраба имелось возвышение со ступенями и навесом-балдахином на столбах — минбар. Отсюда к прихожанам обращался мулла с хутбай (речью) во время богослужения в пятницу и провозглашал также важные документы. Когда в 1831 г. в

¹⁸⁷ Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар / А. Мухлинский.— СПб., 1857. — С. 29.

Ошмянах вспыхнуло восстание, то мулла из Довбучак Давид Александрович писал графу Королю Пшездецкому, что прокламация, или обращение, графа сегодня будет объявлено во время богослужения в мечети с минбара.

Обычно минбар имел три ступени. Семь или девять ступеней имели минбары крупных мечетей. Например, мечеть в Ловчицах имела минбар с тремя ступенями, в Немеже — с четырьмя, а в Довбучках — с девятью ступенями. Кроме разбярской обработки столбов и перил, минбар украшали надписями (строками из Корана). Здесь можно было найти и имя зодчего (Ловчицы), и дату возведения мечети (Ляховичи).

В верхней части стенки, разделяющую мужскую и женскую половины, делался балкон-галерейка, вроде церковных хоров. Центральная часть галерейки, как правило, выступала вперед (Ивье, Довбучки) и была местом для муэдина. Здесь также находилась и молодежь, которая приходила на богослужения. Пол мечети застилался зелеными шерстяными дорожками-коврами. В промежутках между ними ложились круглые тканые одеяла-челуны. Их пожертвовали родственники умерших мусульман. На челунах вышивались имя, фамилия и дата смерти человека, в честь которого было сделано пожертвование. У стен находились скамьи и табуретки для старых и больных. Отделку стен составляли мугиры-ковры с изображениями известных мечетей, в застекленных рамах были размещены полотна с ткаными или вышитыми строчками из текстов Корана, именами пророков, литографическими изображениями Мекки и Медины, Каабы, флагами и символами. Литографические настенные изображения получили в Беларуси широкое распространение в XIX в. Их привозили сюда татары с Волги.

Настенную отделку дополняли находящиеся в рамке под стеклом наследственные акты в пользу мечети (завещание), памятные доски в честь спонсоров. Такая мраморная доска была установлена в Новогрудской мечети в честь майора Александра Асановича, который восстановил мечеть в 1855 г. Мраморная доска в честь графини Эльвиры Августовны Замойской была установлена в Ивьевской мечети. Вывешивались на стенах и акты с датами открытия прихода. В мечетях происходили пятикратные намазы-молитвы верующих-мусульман. Но во время поста (месяц рамадан) проводилась еще дополнительная молитва — таравих-намаз. Таравих читался поздно вечером после окончания последней, пятой молитвы — намаза-иша. Для освещения мечети в этих случаях использовались так называемые деревянные фонари. Они напоминали обычные подсвечники, выполнялись чаще токарным способом и имели высоту от нескольких вершков до одного-двух аршин. Два таких фонаря обязательно ставились по сторонам михраба, освещая место муллы. Остальные ставились или у стен, или там, где стояли люди с Кораном в руках. Слева от михраба, низко над полом, находилась небольшая полочка для освящения книг, которая завешивалась зеленым полотном.

В женской половине пол был также устлан ковром. В углу находилась полка для жертвенных угощений — садаги. На стенах иногда помещались погребальные венки. Как и в мужской половине, висели мугиры.

Стены и потолок мечети обычно не шалевались и не красились, стены могли завешиваться покрывалом. Белый цвет воспринимался как цвет истины и божественной чистоты. Над дверью по бокам ниши-михраба изображались или вывешивались в специальных рамках литографические надписи: "Аллах — Бог всемогущий, милосердный, милосердный. Нет бога, кроме Аллаха, а Мухаммед — Его Пророк". Такие надписи делались также и на стенах, суконных покрывалах скамей.

В XVII ст. мусульмане Речи Посполитой попали под сильное давление католической церкви. 2 июля 1609 г. на Благовещение в Троках толпа верующих со всей Литвы разрушила мечеть, а духовенство не позволило строить на этом месте новую. Епископ виленский Бенедикт во время войны (1600-1615 гг.) не позволял татарам ни строить, ни восстанавливать мечети. Сеймик Галиции два раза в своих

постановлениях 1666 г. и 1667 г. требовал под угрозой конфискации имущества, чтобы в "воеводстве русским татары в имениях своих мечетей не строили". В проекте соглашения с гетманом Собесским в 1673 г. во время бунта татарских ротмистров последние требовали разрешения строить мечети. Монеты с арабскими надписями, которыми любили себя украшать татарки-мусульманки, дали основания подозревать их в гадании. Гонения не ограничивались возведением клеветы и необоснованными обвинениями. Несколько человек было сожжено на костре, а все поселенцы-татары были ограничены в правах. Даже за женитьбу на христианке мусульманину грозила смертная казнь, хотя ранее такие браки были обычным явлением. В то время много татар выехало в Турцию или приняло христианство. По этим причинам количество татар-мусульман к началу XVIII в. уменьшилось до 30 тыс. Только в 1766 г. польская конституция позволила татарам ремонтировать старые мечети, а конституция 1775 г. отменила все ограничения, дала разрешение татарам строить мечети как на частных землях, так и в королевских владениях без каких-либо препятствий. Но на строительство новой мечети там, где ее до сих пор не было, все еще нужно было личное разрешение короля. Например, нам известен данный королем Станиславом Августом привилегий на строительство мечети в Новогрудке, подписанный 29 мая 1792 г. «Мы выражаем, — говорится в тексте привилегия, — этим письмом волю всем нашим и каждому в отдельности, кому нужно знать о том. Доведено Нам членами Совета и чиновниками, которые служат Нам, о переданной новогрудскими татарами жалобе, не имеющих разрешения ех consensus postro на строительство мечети, они вынуждены терпеть трудности в богослужении и выполнении обрядов своей вере, поэтому покорно просят Нас те же татары, граждане новогрудские, чтобы мы им разрешили иметь мечеть и поставить ее собственноручно, поэтому данным письмом, привилегией Нашим, позволяем, in virtute которого, где такая мечеть на их землях будет поставлена, там навеки спокойно должна стоять ...»

До 1795 г., т.е. до последнего раздела Речи Посполитой, мечети существовали в следующих населенных пунктах Великого княжества Литовского (дата означает год, в котором существование мечети подтверждено источниками; поветы соответствуют административному разделению).

- Повет Троцкий: Базары (1685-1719), Гудяны (1646-1698), Хусейманы или Усейманы (1671-1699), Понары (1699), Прудяны на р. Вака (1558, в 1812 г. ее разрушили французы), Рейжи (1556), Сенькевичи (1699), Салькеники (1615), Сорок Татар (1558), Троки (1558, разрушена толпой 2 июля 1609 г.), Винкшупы.
- Повет Виленский: Кена (1615-1631), Лукишки около Вильни (1558), Мерашляны (1615-1699), Немеж (1684).
- Повет Гродненский: Багоники (1679), Крушиняны (1679).
- Повет Лидский: Некрашунцы (по преданию приход образован в 1415г.).
- Повет Ошмянский: Довбучки (1588).
- Повет Новогрудский: Ловчицы (по преданию приход основан около 1420 г., первое упоминание в источниках о мечети относится к 1558 г.), Новогрудок (привилегий на строительство мечети дан в 1792 г., мечеть построена в 1796 г.).
- Повет Минский: Минск (1599).
- Повет Брест-Литовский: Студянка (после 1679).
- В некоторых местностях были муллы, но неизвестно, выполняли они свои обязанности в мечетях или в частных домах. Это следующие местности:
- Повет Троцкий: Трокели (1663-1667).
- Повет Гродненский: Лососно (1591-1631).
- Повет Ошмянский: Каяцяныты (1631), Понизье (1631).
- Повет Минский: Засулье (1592).

Вообще на территории Великого княжества Литовского до 1795 г. мечети были в 23 населенных пунктах, а молитвенные дома — в пяти местностях. Больше всего мечетей было в Троцком уезде, который был в прошлом наиболее заселен татарами. Мечети были в основном на селах.

На Волыни, которая первоначально входила в состав Великого княжества Литовского и была присоединена к Короне в 1569 г., татарские мечети были в Остроге (1565-1659) и в Ювках, во владениях князей Острожских (1681). В этих же владениях в Подлужье в 1616-1620 гг. был мулла. Наконец, на Подолье в XVII в. и в XVIII в. была мечеть в Немирове.

В начале XIX в. количество мечетей, существовавших в прежней Речи Посполитой, уменьшилось по сравнению с предыдущим периодом. В Троцком повете оставались мечети только в Рейжи, Сорока Татарах, Винкшупах и Прудянах на реке Вака; в Виленском повете — в Лукишках, Немежи; в Лидском — в Некрашунцах; Ошмянском — в Довбучках; в Новогрудском повете — в Новогрудке и Ловчицах; Минском — в Минске; Гродненском — в Багониках и Крушинянах; в Брест-Литовском — в Студянце. Все они, за исключением Прудянской (разрушена французскими войсками в 1812 г.) и Студянской (сгорела в 1915 г.), сохранились до начала второй мировой войны, а некоторые существуют сегодня.

В течение XIX в. мусульманская община Северо-Западного края прилагала большие усилия для укрепления старых мечетей и строительства новых там, где это было возможно. Наиболее характерным явлением, повлиявшим на увеличение списка мечетей, нужно считать то, что подавляющее большинство новых мусульманских общин и мечетей возникла в небольших городках Минской губернии. В историографии и архивных документах имеются сведения, позволяющие определить последовательность их появления. По данным А. Вороновича, в 1809 г. на средства татар-мусульман была построена мечеть в м. Мир Новогрудского уезда, в 1815 г. — в Ляховичах Слуцкого уезда. Примерно в середине XIX в. возникают мечети в двух городках Игуменского уезда — Узда и Смилевичи, а в 1883-1884 гг. было получено разрешение на то, чтобы построить мечети в Клецке и Копыле Слуцкого уезда.

Мусульманам Гродненщины пришлось два раза строить Слонимскую мечеть. Первое здание мечети было возведено в 1803-1804 гг., второе — после пожара 1881 г. Более сложно решался вопрос о Ивьевской мечети в давней татарской местности Муравшице. Мечеть была построена в конце XIX в., но споры из-за кандидатуры на должность муллы оттянули дату ее открытия. Поэтому 300 мусульман из окрестных населенных пунктов были приписаны к Довбуцкой мечети. К новым мечетям, возникшим в нетрадиционных местах обитания татар, нужно отнести мечеть в местечке Видзы Новоалександровского повета Ковенской губернии, построенную в 1860-1865 гг. Власти Российской империи фактически отказали татарам в разрешении на восстановление уничтоженной пожаром 1795 г. деревянной мечети в г. Ковно. Община и мечеть появляются здесь только в начале XX в. До этого времени местные мусульмане были приписаны к Виленской общине.

В XIX в. и позже существует уже сформированная мусульманская община Северо-Западного края. Ее права и статус определялись юридическими нормами бывшего Белорусско-Литовского государства, заимствованными Российской империей. Сохранялись и некоторые черты мусульманской традиции.

Вопрос о подчинении мусульман высшему конфессиональному органу пытались решить несколько раз. В 1803 г. татары Северо-Западного края отказались подчиниться оренбургскому муфтию, мотивируя это своим привилегированным положением, данным татарам польскими королями. В привилегиях вопрос о конфессиональном подчинении не поднимался вообще, татары-мусульмане было предоставлено самостоятельное управление. В 1831 г. в связи с общими преобразованиями в крае, вызванными реакцией имперских властей на восстание 1830-

1831 г., татары-мусульмане были подчинены Таврическому магометанскому духовному правлению. Они оставались под его руководством до образования в Восточной Европе самостоятельных государств после окончания Первой мировой войны.

А.В.Данилов, доктор философии Регенсбургского университета
ГУО «Институт теологии имени Мефодия и Кирилла» Белгосуниверситета

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА И ИСЛАМА

Антропологические воззрения христианства и ислама, по-видимому, являются той доктринальной сферой, где наблюдается определенное пересечение этих двух религиозных систем. В этой сфере наблюдаются сходные высказывания, и, несмотря на имеющиеся разночтения, присутствуют сходные вероучительные моменты. В связи с этим, антропологии обеих религий образуют пространство возможного взаимопонимания и, даже, межрелигиозного диалога. Коснусь только основных антропологических моментов христианства и ислама, которые каким-то образом перекликаются между собой.

С развитием межрелигиозного диалога в наше время сформировалась установка, позволяющая прочувствовать веру религий изнутри и, исходя из их внутренней перспективы, оценить как их различность, так и точки пересечения. При этом перспектива т.н. «независимого наблюдателя» стала меняться на «заинтересованную» перспективу участника межрелигиозного диалога. Термин «объективность» означает сегодня для многих «независимость позиции». Однако относительно религий приходится признать: никто не может быть полностью независим от своей собственной культурной позиции. Требование позиционной независимости исследователя вытекает из концепции разума, который во все времена и для людей всех культур одинаков. Требование объективности и независимости является довольно поздним продуктом эпохи Просвещения. Устарело ли оно в своих предпосылках? Во всяком случае, оно не конструктивно для понимания религиозных смыслов. Позиция того, кто описывает и анализирует какую-либо религию, всегда играет роль. Значит, позиция, как и ее роль, должны быть точно озвучены.

Такой подход вслед за Юргеном Хабермасом¹⁸⁸ можно считать герменевтическим принципом: «Потому что о смыслах, воплощены ли они в данном случае в поступках, учреждениях, продуктах труда, словах, связях сотрудничества или документах, мы можем делать заключения лишь “изнутри”. Предустановленная символическая структура действительности образует универсум, который остается для взгляда наблюдателя герметически закрытым, прямо-таки непонятным. Мир социальной жизни открывается только субъекту, который использует свою языковую и поведенческую компетенцию, осваивая межличностные отношения. Благодаря этому у него складывается такой подход, когда он, по крайней мере, виртуально соучаствует в коммуникации интересующих его членов сообщества и таким образом сам становится, по крайней мере, потенциальным членом сообщества»¹⁸⁹. Пересечения и различия в

¹⁸⁸ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. — Frankfurt a.M., 1981. — Bd. 1. — S. 153-201; — Bd. 2. — S. 184-225. Касательно богословской актуальности этого подхода см.: Höhn H.-J. Kirche und kommunikatives Handeln. Studien zur Theologie und Praxis der Kirche in der Auseinandersetzung mit den Sozialtheorien Niklas Luhmanns und Jürgen Habermas (Frankfurter Theologische Studien 32). — Frankfurt a.M., 1985. — S. 159-163.

¹⁸⁹ Habermas J. Objektivismus in den Sozialwissenschaften / Jürgen Habermas // Habermas J. Zur Logik der Sozialwissenschaften. — Frankfurt a. M., 1982. — S. 550.